

Общеизвестно, что рабская дисциплина формирует рабский характер. Однако отсутствие принуждения как воспитания ответственностью способно сформировать еще худший вариант раба, ибо это «раб» с замашками «господина» в силу того, что он свято уверовал в свою вседозволенность и безнаказанность. Как часто преподаватели оказываются в ситуации беспомощности перед напором такого рода безответственности студентов. Чтобы преодолеть эту ситуацию, оказывается, надо лишь постоянно предъявлять строгость к выполнению своих обязанностей обучаемыми, что немислимо и, соответственно, невозможно без строгости к самому себе как преподавателю и человеку. Таким образом, свобода никаким образом не исключает требовательности и строгого контроля.

Строгость и требовательность к себе — это, с одной стороны, гарантия терпимости к Другому, к его праву на свободное самоопределение. Но, с другой стороны, это и право на нетерпимость к его желанию ускользнуть от ответственности. Мы вновь имеем ситуацию, когда две противоположности рефлектируют друг в друга. Если нетерпимость (требовательность и самокритичность) к себе — это условие терпимости к Другому, то терпимость к себе, а в предельном случае одержимость собственной персоной, оборачивается нетерпимостью, а в пределе — агрессией по отношению к Другому. Трагические события в современных школах, которые уже с определенной степенью регулярности шокируют общественность, являются свидетельством данному утверждению. В то же время неразрывная связь терпимости и свободы позволяет утверждать, что бессилие или нежелание осуществлять свою свободу есть условие неуважения свободы Другого.

Таким образом, свобода немислима без терпимости как уважения достоинства и основных прав личности. Нетерпимость — это завуалированная форма комплекса нереализованности, неполноценности человека, который пытается самоутвердиться посредством агрессивного наступления на свободу Другого. Следствием его нетерпимости всегда будет умаление достоинства и нарушение прав Другого. В определенном смысле нетерпимость индивида является мстостью Другому за его экзистенциальную несостоятельность. В силу этого смысл и назначение образования — в созидании Личности. Решение этой основополагающей задачи возможно при условии, что общество обладает не только интеллектуальным и ценностным арсеналом, но и ярко выраженной волей, которая бы позволила приостановить распространение «вируса безумия» и сохранить культурную идентичность человека.

Список цитируемых источников

1. Локк, Дж. Мысли о воспитании / Дж. Локк // Сочинения : в 3 т. / Дж. Локк. — М. : Наука, 1988. — Т. 3. — С. 407.
2. Локк, Дж. Послание о веротерпимости / Дж. Локк // Сочинения : в 3 т. / Дж. Локк. — М. : Наука, 1988. — Т. 3. — С. 91—134.
3. Шелер, М. Формы знания и образование / М. Шелер // Избранные произведения / М. Шелер. — М. : Наука, 1994. — С. 15—56.

УДК 378.4

Е. В. Лопуть

Государственное учреждение образования «Гимназия № 1 г. Барановичи», Барановичи

ПРАВОСЛАВНЫЕ ДУХОВНЫЕ ЦЕННОСТИ КАК МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЙ ВЫБОР ПЕДАГОГА

Если говорить о стандартном понимании духовных ценностей, то это совокупность моральных, религиозных, нравственных, этических убеждений человека, представляющих для него значимость. А если мы посмотрим чуть глубже, то ценностью для человека является то, что представляется ему наиболее значимым, или то, что он считает для себя благом, а не злом.

Есть понятие «ценностные ориентации» — это отражение в сознании человека ценностей, признаваемых им в качестве стратегических жизненных целей и общих мировоззренческих ориентиров. Как они могут помочь?

Ценностные ориентации образуют стержень культуры и обеспечивают интеграцию общества; лежат в основе взаимодействия общества и личности; признаются центральным компонентом самой личности, высшим регулятором ее поведения.

Без общественно значимых ценностей невозможно само существование общества. Но что лежит в основании общепринятых в данном социуме критериев оценки ценностей?

Во-первых, антропологические представления о самом человеке: кто он — высокоорганизованная обезьяна, запрограммированная машина, продукт общественного воздействия или образ Божий? Каков смысл его жизни и что в ней приоритетно?

Во-вторых, нравственные устои общества, дающие четкие ориентиры: что полезно, а что вредно для личности и межличностных отношений. В зависимости от ответа на эти вопросы строится воспитание личности.

Христианство дает ясные ответы на оба эти вопроса, указывая, что человек задуман и сотворен Творцом, как Его образ и подобие, а целью этого творения является богообщение, как радостное сотворчество и сотрудничество по преобразованию и совершенствованию окружающего мира.

Одним из ключевых положений христианства является закон иерархичности, как основополагающий структурный принцип мироздания. Иерархия и есть тот порядок, который выстраивает ценностные приоритеты личности и общества. Любая иерархия всегда гармонична, но в человеческих отношениях она может быть основана на разных принципах. Положенный в ее основание страх порождает рабство, а договор — наемничество.

Иерархический принцип в христианстве основан на любви: здесь определение границы между свободой личности и ее подчинением определенному порядку идет через свободный выбор самоограничения во имя любви к ближнему и исполнения данных Богом заповедей. Это и есть жертвенная любовь во имя сохранения того порядка, который установил Создатель. Образ жертвенной любви дает Сам Бог: Сын Божий, вочеловечившись, показывает пример самоограничения Своей человеческой воли во имя следования заповедям Отца, Его воли. Нежелание самоограничения и стремление к реализации свободной воли привело первых людей к грехопадению. Но замысел Бога о человеке, смысле и цели его жизни не изменился: человек по-прежнему призван быть образом и подобием Творца, Который никогда не нарушает свободу человека, призывая его к добровольному, сознательному и ответственному выбору жизненных ценностей. Определение их приоритетов исходит из иерархичности устройства человеческой личности — господстве духа над проявлениями души и тела.

Христианские антропологические представления определяют цели и задачи образования как помощь ребенку в становлении духовной личности, раскрытии в себе образа и подобия Творца, который является абсолютным нравственным идеалом. Любая сумма и набор знаний нужны и полезны лишь в той мере, в которой они способствуют решению этой задачи [1, с. 56].

В чем важность мировоззренческого выбора педагога? Известно, что личность учителя, его нравственные качества и позиция имеют ключевое значение в воспитании. В педагогике, как науке о «детоводительстве» и практической деятельности учителя, непреложно действует гидромеханический закон о сообщающихся сосудах. Согласно этому закону однородная жидкость перетекает из сосуда, расположенного выше, в тот, который ниже, независимо от формы этих сосудов до тех пор, пока ее уровень не сравняется.

Педагог любой дисциплины, знакомый с предметом лишь внешне, не любящий и не знающий его, не может раскрыть его существенных основ и законов. Если учитель музыки не умеет играть ни на каком музыкальном инструменте, способен ли он адекватно рассказать детям о тех законах, по которым она создается, раскрыть ее красоту и гармонию? Поэтому, чтобы пробудить в ребенке жажду жизни по закону любви, в соответствии с христианскими ценностями, учитель не только должен обладать информационными знаниями и жизненным опытом, но и понимать духовную сущность православной культуры. Но если он сам стоит даже не в притворе, а только у порога храма собственной души, то, конечно, ему трудно поведать детям, что находится в его основании и по каким законам протекает в нем жизнь. При этом вопрос о воцерковлении педагога по-прежнему остается делом сугубо личным и добровольным. Но чтобы этот выбор был сознательным, учитель должен ясно осознавать, из чего приходится выбирать, какие ценностные ориентации могут быть положены в основу этого выбора [2, с. 256].

Крайне опасным для детей может стать ситуация, при которой педагог начнет строить преподавание православной культуры не на святоотеческом понимании христианских ценностей, а на своем представлении о них. Ведь особенность профессии учителя в том, что в процессе обучения он вводит детей в тот мир, который им открывает. Для уроков, раскрывающих христианские духовные ценности, это имеет особое значение, так как многие дети будут понимать основы православного мировоззрения и культуры, так как это будет представлено учителем на уроках, в личном общении, явлено в его отношении к миру и людям. Поэтому нравственный выбор самого педагога должен также быть сознательным и ответственным.

Как происходит подготовка учителя для проведения занятий по православной культуре? В стране практически отсутствуют учреждения среднего и высшего профессионального образования, дающие своим выпускникам знания по православной педагогике: она не входит в базисный план этих учреждений. Отдельные элективные курсы и спецкурсы ситуацию не меняют. Поэтому современное педагогическое образование становится функционально неполным, а молодые учителя изначально поставлены в ситуацию неспособности профессионально говорить о предмете, даже азы которого они «не проходили» в учреждении высшего образования. А что говорить об учителях «со стажем», лишенных в юности возможности не только говорить, но и думать об этом?

Значительная часть учительского корпуса получает знания о православной культуре на краткосрочных курсах и путем самоподготовки. Такие курсы не могут подготовить учителя к преподаванию православной культуры с точки зрения ее духовных основ, так как для этого необходима серьезная многолетняя учеба и практика. Они лишь способны при правильно расставленных акцентах побудить выпускника к самостоятельной и углубленной работе над собой и своим духовным миром. В условиях разработки нового поколения образовательных стандартов, когда идет подготовка к введению в школы с 1 по 11 классы новой образовательной области «духовно-нравственная культура», данная ситуация крайне опасна. Детские болезни духовного роста, которыми страдают многие из нас, часто приводят к искаженному пониманию сущности православной культуры и ее духовных ценностей, фанатизму [3, с. 77].

Какой духовный опыт мы можем передать учащимся? С какими духовными ценностями их познакомить? В наше время именно эклектичность мировоззрения учителя, а не отсутствие учебников для детей, иллюстративных материалов и поурочных разработок становится главным препятствием в преподавании православной культуры.

Какой выход из данной ситуации возможен? Этот выход очевиден: осознание самим педагогом необходимости собственного духовного возрастания и ответственный подход к преподаванию предмета. Ведь не станет же учитель музыки, например, не знающий нотной грамоты, преподавать музыку? Так и с православной культурой: ее не может преподавать педагог, для которого православие — лишь одна из многих религий мира, пусть даже традиционная для Беларуси, но носителем которой сам педагог не является.

Список цитируемых источников

1. *Махортова, М. В.* Духовно-нравственное воспитание личности на основе православной этики : дис. ... канд. пед. наук / М. В. Махортова. — Ставрополь, 2000. — 257 л.
2. *Сластенин, В. А.* Педагогика : учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений / В. А. Сластенин, И. Ф. Исаев, Е. Н. Шиянов ; под ред. В. А. Сластенина. — 5-е изд., стер. — М. : Академия, 2006. — 576 с.
3. *Психология развивающейся личности* / под ред. А. В. Петровского. — М. : Наука, 1987. — 240 с.

УДК 159.9.01

Е. Л. Малиновский

Учреждение образования «Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка», Минск

СХЕМА-СОЦИАЛИЗАЦИЯ В ПРАВСТВЕННОЙ ЛОГИСТИКЕ ЛИЧНОСТИ

Характеристика личностного развития через механизм интериоризации/экстериоризации, по Л. С. Выготскому, отображает систему противоречий между предъявляемыми обществом требованиями и индивидуальными желаниями индивида. В этом противоречии особенности осознания ребенком мира и себя самого обнаруживают идиому, т. е. оборот речи, содержание которой не определяется значением входящих в него слов. «Из-за идиоматического характера внутренней речи, — пишет Г. С. Абрамова, — возникают проблемы соизмеримости идиомы с логической семантикой слов, ее труднопереводимости на обычный язык» [1].

Идиома часто служит языком религии, которая повествует о человеке как кибернетическом коде «В начале было слово», вызывающем сложности психолингвистического декодирования. Кроме того, религиозная идиома представлена как носитель исторической, культурной, нравственной информации об определенном народе. Такая актуальность обуславливает цель исследования личностного целеполагания как направленного стержня (англ. Rod) поведения на основе логистического выбора прямых и обратных связей. Изучение процессов управления/самоуправления предполагает рассмотрение элементарных источников подсистемы «черных ящиков», в которых исследователю доступна лишь входная и выходная информация с неизвестным внутренним устройством. Логистика выделяет задачи стабилизации существующей системы ценностей в условиях возмущающих воздействий; выполнения программы по переводу системы в состояние, при котором значения управляемых величин изменяются по известным детерминированным законам; отслеживания поведения носителя системы в условиях, когда законы изменения управляемых величин перестают действовать; оптимизации через удержание или перевод системы в состояние с экстремальными значениями характеристик при заданных условиях и ограничениях [2].

С точки зрения культурно-исторического подхода Л. С. Выготский подводит итог исследованию процесса развития как «Живому процессу рождения мысли в слове. Слово, лишенное мысли, прежде всего мертвое слово». Ссылаясь на Л. Фейербаха, он говорит, что слово есть то, что абсолютно невозможно для одного человека и возможно для двоих: «Сознание отображает себя в слове, как солнце в малой капле воды. Слово относится к сознанию, как малый мир к большому, как живая клетка к организму, как атом к космосу. Осмысленное слово есть микрокосм человеческого сознания» [3, с. 301]. В культурно-историческом подходе Л. С. Выготского мы видим логистическую системность с попыткой вернуть в анализ психической реальности «камень, презренный строителями, ставший главою угла» [4, с. 11]. Голос логики о живом чувстве индуцирует живые движения в любых, в том числе дегуманизированных и обезличенных, университетских знаниях. Ж. Лакан говорит об университетском знании как знании по преимуществу сведений и навыков. Знание же о наслаждении, как «Черный ящик», знать не желает себя самого, но при этом функционирует фрагментарно бессознательно. На таком глубинном логистическом уровне Лакан добавляет к пяти фрейдовским стадиям психосексуального развития ещё две — информации и голоса [5].

Информационная интериоризация может обозначать логистический переход фрагментарного знания извне университета внутрь голосовой форманты. Интериоризация в качестве интонации «присвоения» субъектом услышанного Логоса провозглашает выбор ценностных предпочтений. Понятие интериоризации